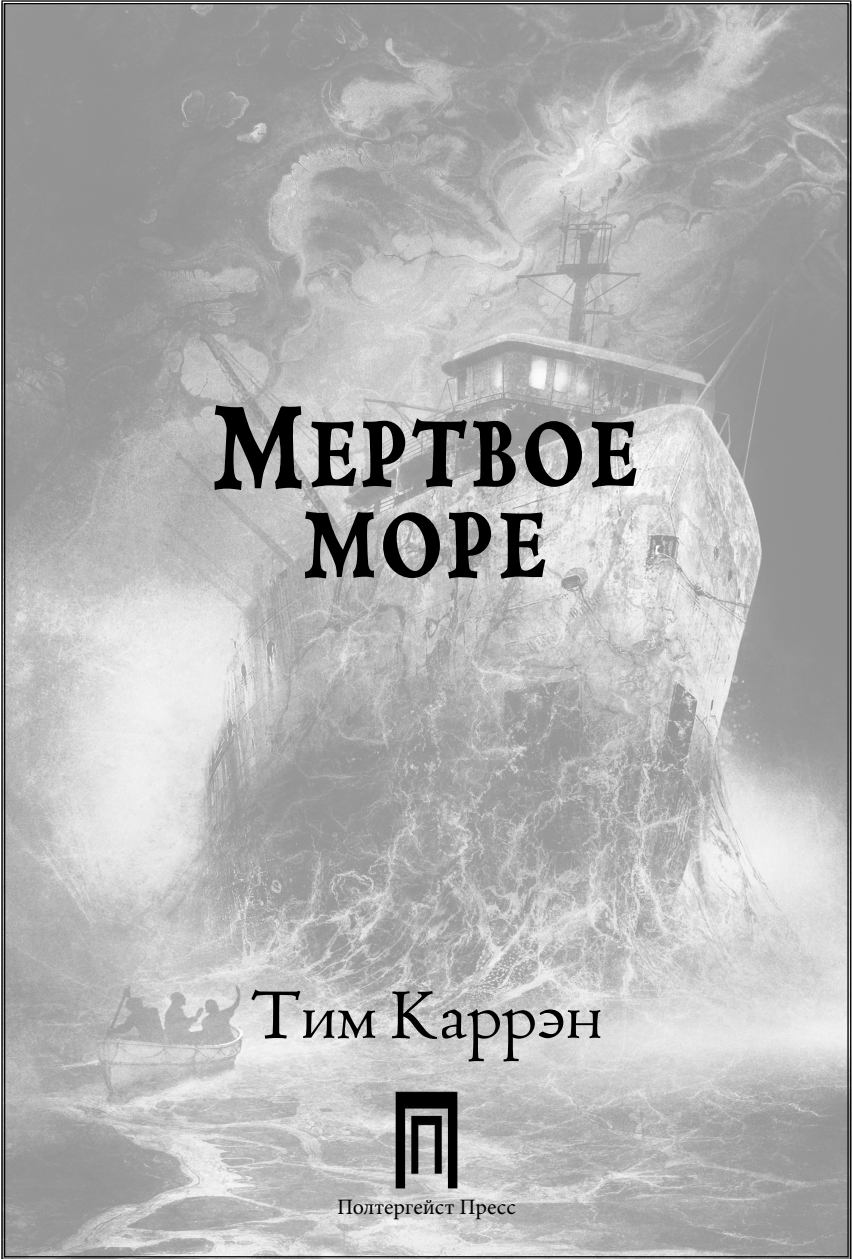

МЕРТВОЕ МОРЕ

Тим Каррэн

Полтергейст Пресс

УДК 82-3
ББК 84(7Сое)6-4
К22

Полтергейст Пресс

ISBN: 978-5-521-76447-1

Перевод: Андрей Локтионов
Редакторы: Марк Полещук, Анастасия Ильиных
Иллюстрация: Бен Болдуин

Первое Издание

© Полтергейст Пресс, 2020
© Tim Curran, 2007

Публикуется по договоренности с автором

www.poltergeistpress.com

ПРОЛОГ

ДЬЯВОЛ ИЗ ГЛУБИН

Уже три дня.

Три дня он дрейфовал в зловонной клетке тумана.

Стайлз был совершенно один в маленькой корабельной шлюпке — уже не человек, а что-то бледное, молчаливое и ждущее, нечто маленькое и экзистенциальное, боящееся взглянуть в туман, боящееся слушать, потому что, если прислушаться, можно было услышать звуки, жуткие, зловещие звуки, которые...

Но Стайлз не слушал. «Я совершенно один, а в тумане ничего нет», — он должен был помнить об этом.

Итог кораблекрушения и его ссылки в мертворожденные воды — ни пищи, ни воды, ни надежды. Лишь молчаливое, неподвижное море, туман, горло, распухшее и красное от криков о помощи, и осознание того, что она не придет.

Стайлз был одинок так, как если бы заблудился на Марсе или провалился в черную бездну за пределами Вселенной. А еще он был напуган. Лежал в шлюпке, стараясь уловить шум парусов, весел или звон судового колокола, но ничего не слышал.

Ничего, кроме тумана.

Ведь если нечего слушать, кроме бумажного шелеста собственного сердца или скрежета воздуха в легких, начинаешь слушать туман, как Стайлз, и вскоре понимаешь, что на самом деле это поток живой органики: можно услышать бегущую по его венам кровь, гудение нервных окончаний и далекий, порывистый звук дыхания.

Кругом только серый туман, пахнущий гниющими водорослями и выброшенными на берег мертвыми существами, что колышется и обволакивает, как заплесневелый, влажный саван, состоящий из гнилостного газа, слизистой взвеси и чьего-то незримого присутствия. Густой, жадный, гнетущий и удушающий.

В первый день Стайлз был поражен его очертаниями и плотностью. На второй возненавидел его полноту, целостность и то, как щупальца тумана скользили над шлюпкой и искали его. На третий день Стайлз начал бояться тумана, услышав доносившиеся из него звуки: голоса морских кошмаров, которым тот служил обиталищем, тварей, что ждали, когда Стайлз упадет за борт, чудовищ с желтыми глазами, щупальцами и острыми, как ножи, зубами, — злобных порождений глубин.

Стайлз без конца твердил себе: «Не думай об этом. Не думай ни о чем подобном, это всего лишь твое воображение», — увещевания, не лишенные здравого смысла, но едва ли достаточно убедительные. Он остался один на один со своим разумом, а тот играл с ним злые шутки. Говорил, что совершенно неважно, думает ли Стайлз об этих существах: главное — они думают о нем. Чистое сумасшествие, но оно заходило

все дальше... Разум спросил, не чувствует ли он их? Те черные, безумные ужасы из тумана, думающие о нем, нацелившиеся на него. И Стайлзу пришлось признать, что он чувствует. Действительно чувствует. Он мог бы поклясться, что в тумане что-то есть, было с того самого момента, как судно пошло ко дну, а Стайлз, дрожащий и ошеломленный, забрался в маленькую шлюпку.

Но что именно?

Что могло быть в тумане?

Он не знал, но был уверен, что они приближались: неописуемые твари, просачивающиеся в туман, ползающие, ухмыляющиеся мерзости с бездонными лунами вместо глаз, зараженные, больные сущности с грудями костей вместо разума, чудовища, чье дыхание — смрад кладбищ и гробниц, монстры со ртами, как у миног, жаждущие высосать из жертвы кровь и разум, ужасы, тянущие к Стайлзу крючковатые, бесплотные пальцы.

«Заглуши свои мысли, заглуши их, — повторял он. — Иначе они услышат их и найдут тебя».

Сосредоточившись, Стайлз сжал свои мысли до размера светящейся булавочной головки, тонкой и хрупкой. Его разум схлопнулся и провалился на самое дно подсознания, и Стайлз оставил его там, спрятав от того, что обитало в тумане, звало и шептало на ухо непристойности.

Поэтому когда он увидел корабль, то усомнился в его реальности.

Стайлз моргнул, приказывая фантому рассеяться, но этого не произошло: высокая бригантина приближалась, сотканная из тумана и призрачно-белой эктоплазмы: иллюзия, тень, корабль-призрак — и ничего больше. Но он слышал ее, чувствовал ее безжизненность. Паруса безвольно свисали с грот-мачты. Покачиваясь, болтались снасти, по которым, словно змеи, ползли щупальца тумана. Фок-мачта и кливер скрипели, как половицы в заброшенном доме.

И все же Стайлз не верил своим глазам.

Не поверил даже тогда, когда люди окликнули его с носовой палубы и спустили на воду лодку. Не верил, пока они не подплыли к нему на веслах и не коснулись его мокрыми, ледяными руками.

Тогда он закричал.

Стайлз плохо помнил свое спасение: лишь прикосновение рук и звук голосов, которые он не мог разобрать. Его лихорадило. Зубы стучали, конечности будто налились свинцом. Он слышал собственный голос, что-то скулящий о людях и голосах из тумана, безглазых лицах и белых, холодных пальцах. Помощник капитана сообщил ему название судна и имя своего командира, но Стайлз ничего не понял из услышанного.

Он то просыпался, то засыпал, снова и снова.

Так прошло несколько дней. Временами он приходил в себя и понимал, что смотрит широко раскрытыми глазами на игру теней в темных закутках каюты: они сходились под неправильными углами, впадали сами в себя, изменяя пространство, обрзовывали прямые пересечения и тут же исчезали. В остальное время ему снились существа из тумана: исполинские твари, не люди и не звери, гротескные космические призраки, живыми монолитами и ядовитыми теньями переползавшие из одного мира в другой.

В минуты ясности приходила жена капитана и кормила его с деревянной ложки горячим мясным бульоном. Иногда она пела ему и тихо, вполголоса, рассказывала о далеких, недоступных краях. Стайлз был уверен, что не раз слышал доносящиеся из недр корабля заунывные, полные печали звуки фисгармонии. Время от времени к спасенному заглядывал помощник капитана, расспрашивал, откуда Стайлз родом, как называлось его судно и как они оказались в ловушке тумана. Помощник много говорил о тумане, и Стайлз убеждался, что тот боится завесы, может быть, даже считает туман живым существом, огромным и голодным.

Однажды ночью помощник пришел с зажженной свечей в руке. Ее свет мерцал и скакал по стенам каюты — так сильно дрожала его рука. Он достал пистолет и сунул его Стайлзу под одеяло.

— Будьте осторожны, сэ.р. Будьте осторожны. Нас осталось всего десять человек, другие исчезли, сгинули в тумане... скоро мне тоже крышка. Туман зовет меня. Говорит, что я должен войти в него, рассказывает о том, как я встречу свой конец.

Когда на следующий день Стайлз ненадолго проснулся, до него донеслись звуки кипучей деятельности на палубе: стук молотков, скрежет пил, торопливые шаги и возбужденные голоса. Возможно, туман рассеялся и снова подул ветер? Стайлз надеялся, что это так, но не верил.

Посреди ночи он слышал крики людей, и продолжительный, нарастающий глухой звук, словно корабль обдувало шипящим, похожим на свист дыханием, и какое-то жужжание.

Он не был уверен, что из этого было реальностью, а что — игрой воображения. И, учитывая все обстоятельства, то было к лучшему.

3

Стайлз проснулся, одолеваемый смутными предчувствиями. Дрожа и обливаясь потом, он упал с койки. Голова трещала. Несмотря на слабость и головокружение, он все же добрался до верхней палубы. Прислонившись к переборке, всмотрелся в пепельно-серый туман.

Корабль был пуст. Покинут.

Обратился гигантским гробом, скрипящим и стонущим. Туман навис над ним, словно чудовищный нарост плесени, спадая лентами с рей, мачт и бушприта.

Стайлз звал и кричал, но голос тонул в пустоте.

Он снова оказался один. Один на покинутом корабле, посреди проклятого моря.

С бешено колотящимся сердцем и кружащейся головой, он добрался до кают-компании и сразу заметил, что окна заколочены досками, словно корабль подвергся нападению. Но дверь была не заперта. Внутри, на первый взгляд, все было в порядке: карты и инструменты, мебель и одежда. Стайлз проковылял из каюты помощника в каюту капитана. Обе выглядели так, словно их хозяева вышли выкурить по трубке.

Послышались голоса: шепот, бормотание и песнопения. Они доносились не с корабля, а из тумана, словно приближалась абортальная команда. Но с ними было что-то не так: голоса казались глухими, шипящими, искусственными, словно записанные на магнитофонной ленте, полная потустороннего треска.

Стайлз сказал себе, что их не существует.

Он отвернулся, прислонившись к двери каюты, зная, что забравшее экипаж корабля нечто теперь пришло за ним. Стайлз не хотел смотреть в лицо приближающейся судьбе, а она надвигалась — с шорохом, звуком шагов, скрипя ногтями по дереву.

Затем он обернулся, чтобы встретиться с кошмаром лицом к лицу, и крик вырвался из его горла.

Там ничего не было.

И никого.

Но он продолжал слышать призрачный шепот, шлепки босых ног, шуршание одежды. А потом в тумане появился холодный свет, яркий и пульсирующий, словно чей-то дурной глаз наблюдал за ним с другой стороны мглы.

Стайлз бросился внутрь, захлопнул дверь и заперся на засов. Он ждал и ждал, чувствуя, как оно приближается, наэлектризованное, едкое и смердящее. Сквозь щели в двери и заколоченных окнах он видел, как палубу охватило фосфоресцирующее свечение. Ослепляющее и жгучее, оно поглощало корабль. Стайлз услышал